

22678

Г. А. Евреиновъ.

Самобытность

или

отсталость?...

~~25443~~

Цена 30 коп.

22698

Г. А. Евреиновъ.

~~25743~~

Самобытность

или

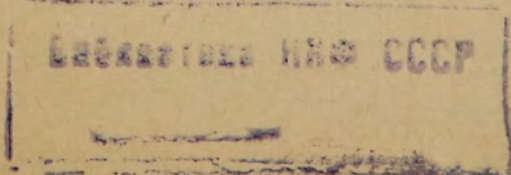
отсталость?...

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяч., № 39.
1905.

39

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 апрѣля 1905 г.

75763

Въ томъ политическомъ возбужденіи, среди котораго совершается реформа соціального и государственнаго строя Россіи, назойливо и громко раздается голосъ нашихъ націоналистовъ, полагающихъ русскую самобытность въ отрицаніи всѣхъ политическихъ приобрѣтеній западной культуры.

Торжество ихъ безпринципной политики, отрѣшенной и отъ общепризнанныхъ практическихъ требованій общественнаго и государственнаго благоустройства въ духъ настоящаго времени, несомнѣнно увѣковѣчило бы въ нашемъ отечествѣ политическую смуту, усиливъ сословную и классовую рознь въ населеніи страны и обостривъ враждебныя чувства обездоленныхъ народностей.

Уясненію значенія этого ложнаго и безпочвеннаго націонализма я посвятилъ очеркъ въ февральской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1904 г.—и теперь считаю своевременнымъ напечатать его отдѣльнымъ изданіемъ.

Г. Е.

I.

Національная идея была во второй половинѣ прошлаго столѣтія той силой, которая обнаружила наибольшее вліяніе на историческія судьбы Европы: она вызвала объединеніе Італіи и Германіи, освобожденіе большей части южныхъ славянъ изъ-подъ власти турокъ, образованіе самостоятельныхъ королевствъ Сербіи и Румыніи и полунезависимаго княжества Болгаріи; она была причиною польскаго возстанія; она измѣнила государственный строй Австро-Венгріи.

Вызвавъ такія міровыя событія, она не могла не отразиться на политическомъ міросозерцаніи отдѣльныхъ лицъ, политическихъ партій и другихъ группъ населенія. Идея національности обнаружила поэтому большое вліяніе и на внутреннюю политику большинства государствъ всего міра. Она почти повсемѣстно вызвала въ извѣстныхъ слояхъ и кругахъ общества, болѣе или менѣе многочисленныхъ и различныхъ по степени вліятельности, настроеніе, которое проявляется—гдѣ въ формѣ націонализма, гдѣ—имперіализма.

Въ основѣ націонализма лежитъ, такъ же, какъ и въ патріотизмѣ, культъ отечества, но понятія эти далеко не тождественны. Чувству патріотизма, любви къ родинѣ, не можетъ быть поставлено предѣловъ, оно безгранично, какъ сама любовь,— а націонализмъ за извѣстной чертой утрачиваетъ всѣ свои добрыя свойства. Патріотъ не закрываетъ глазъ на недостатки и несовершенства своего отечества, онъ ими болѣетъ, онъ негодуетъ ¹⁾, страстно желаетъ ихъ измѣненія; крайній націоналистъ старается ихъ не видѣть. Патріотизмъ безкорыстенъ; націонализмъ способенъ служить партійнымъ цѣлямъ, лицемерно прикрывая тѣмъ отсталость, ретроградство. Наконецъ, истинный патріотизмъ справедливъ и терпимъ ²⁾; націонализмъ способенъ доводить свои предубѣжденія и пристрастіе до преслѣдованія, до жестокости.

Понятіе націонализма въ тѣсномъ смыслѣ собственно и опредѣляется этими отрицательными его сторонами.

Особенность русскаго націонализма, теперь, какъ и прежде, заключается въ томъ, что въ основѣ его лежитъ идея русской національной самобытности.

Самобытность есть свойство, присущее всякому государству. Самобытность есть прямое и естественное послѣдствіе его политической независи-

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кн. Вяземскому Пушкинъ говоритъ: „Я, конечно, презираю отечество мое съ головы до ногъ, но мнѣ досадно, если иностранецъ раздѣляетъ со мною это чувство“. Въ другомъ мѣстѣ великій поэтъ досадуетъ: „Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ“.

²⁾ Петръ Великій писалъ (9 марта 1718 г.): „Совѣсть человѣческая единому Богу только подлежить“.

мости, географическаго положенія, національныхъ свойствъ населенія, его историческихъ судебъ и другихъ особенностей меньшаго значенія. Это—такое безспорное свойство каждаго отдѣльнаго государства, что на Западѣ никому и въ голову не приходитъ говорить о самобытности отдѣльныхъ государствъ, какъ о чемъ-то требующемъ насажденія или доказательства.

Въ Россіи идея самобытности, возведенная въ принципъ, составляетъ основу цѣлой политической системы. Проблески этого ученія появляются въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ писателей еще съ начала прошлаго столѣтія (Шишковъ, Веневитиновъ, Шевыревъ). Затѣмъ, люди этого направленія, въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, сплотились въ дружескій кружокъ „славянофиловъ“. Всѣ члены его получили образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ и воззрѣнія ихъ имѣли тѣсную связь съ нѣмецкимъ романтизмомъ и навѣяны философіей Гегеля,—какъ объ этомъ упоминаетъ самъ основатель ученія И. В. Кирѣевскій.

Въ заимствованныхъ Россіей у западной Европы государственныхъ порядкахъ ихъ времени славянофилы возненавидѣли западную культуру и прославляли до-Петровскую Русь. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецъ Гакстгаузенъ открылъ „русскій міръ“ и „сельскую общину“ и по состоянію человѣческихъ знаній того времени въ соціологіи, этнографіи и антропологіи—ошибочно призналъ ихъ русскими самобытными учрежденіями, наслѣдіемъ долженствовавшей прежде существовать общности имущества. Послѣ этого крестьянская община стала основнымъ пунктомъ политической и экономиче-

ской теоріи славянофиловъ. Общинный принципъ русскаго народнаго строя противопологался западному индивидуализму.

Впослѣдствіи то же начало легло въ основу политическаго ученія русскихъ соціалистовъ и народниковъ.

Книга Данилевскаго „Россія и Европа“, написанная еще въ 1869 г., но получившая извѣстность и обширное распространеніе только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, вполне опредѣлительно поставила принципъ противоположенія русской самобытности всей западной культурѣ. „Ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой“,—говорилъ Данилевскій. Русская самобытность, съ своей стороны, есть „убѣжище и якорь“ для славянъ. Могучая рука Россіи предохранить ихъ отъ зараженія европейской „гнилью“ и народится особая „все-славянская“ цивилизація для великаго, единого славянскаго государства того будущаго, когда штурмовыя колонны славянъ рѣшатъ борьбу между Востокомъ и Западомъ. Книга Данилевскаго довольно полно выражаетъ политическое міросозерцаніе современныхъ русскихъ націоналистовъ, въ которое входитъ и идея воинствующаго панславизма.

Крайнія политическія построенія составляютъ отличительную черту всякаго общества, отрѣшеннаго отъ практической политики.

Идея „самобытности“ въ широкой постановкѣ русскихъ націоналистовъ могла появиться и воз-

расти только на безграничномъ просторѣ отвлеченной политической теоріи. Въ дѣйствительности—національной самобытности, во всякомъ случаѣ самобытности полезной, полагають предѣлы исполнѣ опредѣлительные законы, которымъ подчиняются человѣческія общества въ своемъ социальномъ и экономическомъ развитіи. Законы эти непреклонны, такъ какъ ихъ предопредѣляетъ физическая и духовная природа человѣка или такія неотвратимыя причины, какъ непрерывный ростъ населенія при неизмѣнномъ пространствѣ земельной площади.

Физическая организація человѣка дала ему возможность приспособить камень, какъ оружіе и какъ орудіе первобытнаго производства. Ударъ камня о камень открылъ ему огонь, источникъ тепла и свѣта. Здѣсь зародышъ экономического развитія человѣческихъ обществъ, ихъ матеріальнаго прогресса. Овладевъ силами природы, человѣкъ получилъ возможность непрерывно совершенствовать условія своего матеріальнаго благосостоянія.

Въ духовной природѣ человѣка, стоящаго еще на степени первобытной дикости, уже замѣчаются зачатки альтруизма, участія къ ближнему: дикіе островитяне, обнаруживъ присутствіе выброшеннаго на берегъ кита, оповѣщаютъ о томъ сосѣдей, чтобы и они могли принять участіе въ общемъ пирѣ.

Этотъ прирожденный духовной природѣ человѣка альтруизмъ нашелъ свое высшее выраженіе въ ученіи Христа: „Возлюби ближняго, какъ самого себя“. Этотъ культъ любви всеобъемлющъ,—

для христіанскаго Бога „нѣтъ ни еврея, ни эллина“; онъ независимъ отъ земныхъ преходящихъ условностей, — „воздайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу“.

Въ этихъ заповѣдяхъ христіанства лежитъ основа современной цивилизаціи, и онѣ служатъ главнымъ орудіемъ соціальнаго прогресса.

Девятнадцать вѣковъ ведетъ христіанство успѣшную борьбу съ несовершенствомъ человѣческой природы, съ грубостью и варварствомъ человѣческихъ обществъ, — и свѣточъ этой религіи любви, который не угасъ и въ изувѣрствахъ религіозной нетерпимости, медленно, но вѣрно приведетъ въ свое время человѣчество къ братству людей и народовъ.

Съ другой стороны, научныя изслѣдованія, особенно въ области антропологии и этнографіи, освѣтили со всѣхъ сторонъ пройденный человѣчествомъ историческій путь. Мы теперь ясно видимъ, что всѣ народы въ послѣдовательныхъ фазисахъ своего развитія переживали однородныя формы и условія общественныхъ отношеній, подчиняясь общему для всего человѣчества закону. Мы знаемъ, что цивилизаціи античнаго міра и наиболѣе совершенныя соціальныя порядки современныхъ культурныхъ странъ составляютъ послѣдствія медленнаго, но постояннаго, много тысячелѣтій продолжающагося развитія путемъ приспособленія къ измѣняющимся внутреннимъ и внѣшнимъ условіямъ и отношеніямъ, причемъ исходная точка этой эволюціи лежитъ въ такихъ формахъ общественной жизни, которыя у всѣхъ первобытныхъ народовъ совершенно однородны, какъ у нашихъ отдален-

ныхъ предковъ, такъ и у современныхъ намъ представителей первобытной культуры.

Основу всякой общественности составляетъ понятіе о собственности, которое есть врожденный и повелительный инстинктъ. Корни его лежатъ въ потребности жить и защищать свое существованіе.

Инстинктъ этотъ проявляется сперва въ простѣйшей формѣ захвата и немедленнаго поглощенія или истребленія предметовъ. Пока человѣкъ питается только продуктами охоты и естественными произведеніями земли, у него не можетъ возникнуть понятіе личной собственности. Дарвинъ, наблюдавшій дикарей Огненной Земли, сообщаетъ, что если одному изъ нихъ дать кусокъ ткани, то онъ разрываетъ ее на куски, и каждый беретъ свою часть.

Такое отношеніе къ собственности впередъ опредѣляетъ и общественный строй людей въ состояніи первобытной дикости. Отличительными чертами его служатъ: коммунизмъ, всеобщее равенство и безвластіе, анархизмъ, — и это несмотря на различіе ихъ племенного происхожденія, на крайнее разнообразіе мѣстныхъ условій, на разбросанность дикарей во всѣхъ частяхъ земного шара, исключаящую самую возможность какого-либо между ними общенія.

Въ эпоху варварства человѣкъ уже приручаетъ и разводитъ животныхъ; занимается культурой растеній; научается выдѣлывать глиняную посуду, знакомится съ обработкой металловъ, дѣлаетъ изъ нихъ бронзовые сплавы и доходитъ наконецъ до плавки желѣза.

Успѣшность всѣхъ этихъ занятій зависитъ отъ степени физической силы, природныхъ дарованій, трудолюбія. Трудъ порождаетъ семейную или личную собственность; индивидуальныя различія и степень бережливости содѣйствуютъ образованію неравенства состояній. Стремленіе къ приращенію достоянія захватомъ и защита отъ сосѣдей вызываютъ потребность въ умѣломъ вождѣ и общемъ къ нему повиновеніи.

При этихъ условіяхъ общественный строй въ состояніи варварства — повсемѣстно и во всѣ времена — зиждется на деспотическомъ единовластіи, доходящемъ иногда до обоготворенія властелина, на сословномъ неравенствѣ и рабствѣ.

Та же однородность замѣчается у разныхъ народовъ и въ отличительныхъ признакахъ цивилизаціи во всѣхъ ея фазисахъ. Это вполне подтверждаетъ исторія Европы въ эпоху Возрожденія и въ XVIII вѣкѣ, а также новѣйшая ея исторія въ истекшемъ XIX столѣтіи.

Въ исходѣ среднихъ вѣковъ пробудился духъ классической древности и сталъ для всѣхъ народовъ западной Европы той прогрессивной силой, которая выступила на борьбу съ господствомъ церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ, съ схоластикой и аскетизмомъ. Гуманизмъ окрылилъ человѣческій умъ, вызвалъ повсемѣстно замѣчательныя открытія въ области точныхъ наукъ и одинаково содѣйствовалъ расцвѣту литературы и искусствъ въ различныхъ государствахъ Европы. Этому въ равной степени содѣйствовали славянинъ Коперникъ, нѣмецъ Кеплеръ, итальянецъ Галилей.

На государственный и общественный строй

Европы обнаружило тогда могучее вліяніе и римско-византійское право, кодексъ Юстиніана. Оно почти повсемѣстно вытѣсняло національное, народное и обычное право не только въ судебной сферѣ, но и въ управленіи. Юристы заняли по назначенію государей такія положенія, которыя принадлежали прежде дворянству по праву рожденія или духовнымъ лицамъ. Возникло чиновничество, бюрократія съ характеромъ, соотвѣтствовавшимъ началамъ римскаго права. Абсолютизмъ и бюрократія содѣйствовали болѣе опредѣлительной постановкѣ государственной идеи, которая стала превыше особыхъ правъ и привилегій средневѣковаго сословнаго строя. Въ соціальной эволюціи Европы XVIII вѣка абсолютизмъ и бюрократія были началомъ просвѣтительнымъ и прогрессивнымъ. Наиболѣе типичные представители просвѣщеннаго абсолютизма того времени стояли по широтѣ своихъ политическихъ взглядовъ, задачъ и идеаловъ много выше современнаго имъ общества.

Петръ I только насиліемъ могъ ввести Россію въ сонмъ европейскихъ государствъ. Екатерина II, стоявшая на уровнѣ самыхъ передовыхъ политическихъ воззрѣній французскихъ энциклопедистовъ, сдѣлала попытку привлечь представителей общества къ законодательной разработкѣ проекта органической реформы государственныхъ и общественныхъ учрежденій имперіи, — и попытка оказалась неудачной. Столько же безуспѣшными оказались мѣры, предпринятыя Екатериной, чтобы вызвать въ русскомъ обществѣ движеніе въ пользу освобожденія крестьянъ. Вольтеръ, ожидавшій тор-

жества либеральныхъ и гуманитарныхъ началъ только отъ просвѣщеннаго деспотизма, предвидѣль эти неудачи. Фридрихъ II, понимавшій все значеніе крестьянскаго земледѣлія, энергично остановилъ шедшее быстрыми шагами обезземеленіе прусскихъ крестьянъ помѣщиками.

При дальнѣйшемъ ростѣ цивилизаціи живительными силами для народовъ христіанской культуры стали — въ XIX столѣтіи — личная свобода и общественная самостоятельность, законность и равноправность, вѣротерпимость и гуманность.

Эти основныя начала современнаго государственнаго общежитія всѣхъ просвѣщенныхъ странъ на Западѣ и полагаютъ границы самобытности отдѣльныхъ государствъ; ихъ отрицаніе уже не есть самобытность, а самая обыкновенная отсталость.

II.

Въ жизни человѣческихъ обществъ отсталость есть мертвящее начало, потому что для государственнаго организма, такъ же, какъ и въ мірѣ физическомъ, жизнь состоитъ въ движеніи, причемъ жизненные процессы состоятъ не только въ созданіи новыхъ элементовъ, но и въ вымираніи и удаленіи отжившихъ. Здоровый ростъ жизнеспособнаго народа требуетъ непрерывнаго развитія, своевременнаго приспособленія къ измѣняющимся физическимъ условіямъ и соціальнымъ требованіямъ. Государство, остановившееся въ этомъ поступательномъ движеніи, застывшее на извѣстной степени своего развитія, лишается своихъ жизнен-

ныхъ силъ, разлагается и наконецъ прекращаетъ свое существованіе.

Аѳины, которыя достигли въ свое время самой высокой изъ доступныхъ человѣчеству степеней культуры, погубило рабство, которое устранило трудъ свободныхъ гражданъ, создало экономическое и политическое преимущество для богатыхъ и вызвало противоположеніе интересовъ этого привилегированнаго меньшинства и обездоленнаго большинства. Отсюда слабость, истощеніе жизненной энергіи, которыми и воспользовался Филиппъ Македонскій. Затѣмъ прогремѣлъ на весь міръ геній Александра и за преходящимъ блескомъ его царствованія послѣдовало однообразіе бездушнаго политическаго деспотизма, которое привело Грецію со всей ея славой въ зависимое положеніе римской провинціи.

Римское государство пало, въ свою очередь, не только вслѣдствіе сосредоточенія поземельной собственности въ немногихъ рукахъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе односторонняго и до уродливости ненормальнаго развитія начала государственности, приведшаго къ обоготворенію императорской власти и къ полному поглощенію всякой общественности и личной предпріимчивости. Этотъ бездѣятельный народъ противопоставалъ всеильному правительству, отъ котораго онъ пріучился сперва всего ожидать, а затѣмъ и всего требовать — и хлѣба, и забавъ: *panem et circenses*.

Преемница римской имперіи — Византія — погибла въ неподвижности своего декадентскаго догматизма.

Въ настоящее время вѣковая неподвижность

на извѣстной степени развитія привела на край гибели Китай, съ его старинной и весьма совершенной культурой. Цѣлостъ и мнимая независимость Китая сохраняются лишь по произволѣ европейскѣхъ державъ, которыя обрекли его служить поприщемъ для проявленія ихъ промышленной предприимчивости.

На безсиліе обречены и всѣ мусульманскія страны, — какъ государства, въ которыхъ непреложность вѣроисповѣднаго догмата замѣняетъ прогрессивный законъ, служа причиной отсталости, застоя и косности.

Относительно отсталости отмѣтимъ еще слѣдующее наблюденіе, которое имѣетъ большое значеніе для практической политики нашего времени.

Въ своемъ поступательномъ движеніи чело-вѣчество долѣе всего останавливается на первыхъ степеняхъ своего экономическаго и соціальнаго развитія. Первобытная дикость продолжается многія тысячелѣтія; цѣлую тьму вѣковъ длится и варварское состояніе, — но чѣмъ совершеннѣе становятся условія государственнаго общежитія, тѣмъ быстрѣе совершается соціальная эволюція, тѣмъ скорѣе получаютъ плоды достигнутыхъ улучшеній и тѣмъ на большія разстоянія передовыя націи обгоняютъ отсталыхъ. Отсталость Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка, когда освободительныя реформы удесятерили духовныя и матеріальныя силы другихъ государствъ Европы, конечно, во много разъ вреднѣе отозвалась на нашемъ культурномъ развитіи и матеріальной мощи, чѣмъ два столѣтія татарскаго ига.

Такимъ образомъ, принципиально и по указа-

ніямъ историческаго опыта, опредѣляется граница полезной національной самобытности, за которой она становится вредной и тлетворной отсталостью.

Въ русскомъ націонализмѣ существуютъ два противныхъ одно другому теченія: ихъ правильно будетъ назвать—одно руссофильскимъ, другое—ретрограднымъ.

75763 Руссофилы, — при всемъ различіи оттѣнковъ ихъ политическихъ воззрѣній,—вообще не мирятся съ современными порядками нашего соціального и государственнаго строя; ретрограды въ нихъ-то именно и видятъ проявленіе русской національной самобытности.

Руссофилы чувствуютъ себя оскорбленными въ національномъ достоинствѣ послѣдовавшимъ при Петрѣ I заимствованіемъ у западныхъ народовъ порядковъ государственнаго общежитія, недостатки которыхъ въ настоящее время для нихъ очевидны. Они идеализируютъ поэтому общественные порядки до-Петровскаго времени и ищутъ въ нихъ основы для національных учреждений. Ретрограды — русскимъ національнымъ флагомъ прикрываютъ всякую политическую ветошь иностраннаго, преимущественно нѣмецкаго издѣлія, давно уже вышедшую изъ употребленія въ мѣстахъ своего происхожденія.

Руссофилы, по крайней мѣрѣ, значительное ихъ большинство, являются горячими сторонниками реформъ императора Александра II, положившихъ начало упорядоченію и обновленію русской общественной жизни: въ новшествахъ этого

государя имъ чуется родная старина. Ретрограды, — страдая ясно выраженнымъ атавизмомъ крѣпостничества, — стремятся возстановить въ возможной полнотѣ сословно-полицейскій строй учрежденій XVIII-го вѣка.

Часть руссофиловъ, — большая ихъ часть, — сходится съ ретроградами только въ общей ихъ враждѣ къ инородцамъ и иновѣрцамъ, входящимъ въ составъ русскаго государства. Но тогда какъ у первыхъ этотъ племенной эгоизмъ („Россія для русскихъ“) есть послѣдствіе невѣрнаго пониманія причинъ нѣкоторыхъ экономическихъ преимуществъ иноплеменныхъ элементовъ населенія Россіи передъ обездоленной массой русскаго народа, — у вторыхъ вражда эта является послѣдствіемъ сочувствія ко всякому проявленію полицейскаго гнета.

Число русскихъ самобытниковъ руссофильскаго направленія весьма значительно, — многочисленныхъ сторонниковъ его можно встрѣтить въ служиломъ классѣ, въ войскѣ, въ земствѣ, въ средѣ болѣе или менѣе интеллигентнаго русскаго купечества. Печатныя изданія, служащія выраженіемъ этого направленія, пользуются большимъ распространеніемъ. Численность самобытниковъ - ретроградовъ, по крайней мѣрѣ, искреннихъ, не лицемерныхъ — ничтожна. Земскія и дворянскія собранія, въ которыхъ этимъ ретрографамъ удастся заручиться большинствомъ голосовъ, составляютъ рѣдкіе оазисы на обширномъ пространствѣ російской имперіи. Органы печати этого направленія не могли бы вовсе существовать безъ посторонней

поддержки,—подписка не покрывала бы расходовъ по ихъ изданію.

Самобытчики-русофилы ясно видятъ недостатки существующаго порядка, сознаютъ также необходимость движенія впередъ, но находятъ,—двѣсти лѣтъ послѣ реформы Петра I,—что „ни истинная скромность, ни истинная гордость не позволяютъ Россіи считаться Европой“. Національныя особенности, обусловливающія русскую самобытность, требуютъ, по ихъ понятіямъ, возвращенія къ государственнымъ началамъ до-Петровскаго времени, которыя и должны стать исходной точкой нашего дальнѣйшаго развитія. Захвативъ на этомъ историческомъ пути соплеменныхъ намъ славянъ, намъ предстоитъ насадить отъ дичковъ этой русской самобытности болѣе совершенную цивилизацію и болѣе справедливые соціальныя порядки на мѣстѣ прогнившей насквозь западной культуры.

Здѣсь нельзя не замѣтить прежде всего, что сомкнуть давно разорванную цѣпь историческихъ традицій между нашимъ современнымъ строемъ и порядками Московскаго государства — черезъ голову Петра Великаго—дѣло мудреное. При этомъ пришлось бы, во всякомъ случаѣ, тщательно отцѣдить русскія національныя начала отъ татарской дикости и византійскаго мертвящаго догматизма.

Да и нужно ли это? Существуютъ ли въ дѣйствительности тѣ прирожденные намъ особенности, которыя—для русскаго народа и имѣющихъ раздѣлить его историческія судьбы другихъ народностей славянскаго корня — намѣчаютъ путь обществен-

наго развитія, совершенно отличный отъ того, по которому движется остальное человѣчество, подчиняясь общимъ міровымъ законамъ соціальной эволюціи, пожиная плоды своего имъ подчиненія и будучи жестоко наказываемо за ослушаніе? Если такія особенности существуютъ, то придется еще доказать идейное и практическое ихъ преимущество передъ общественными порядками, составляющими послѣдствіе такъ-называемой западной культуры.

Перебравъ всѣ формулы особой русской самобытности,—начиная съ той, которую въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія далъ на страницахъ „Москвитянина“ Шевыревъ, и кончая принципами этой самобытности въ формулировкѣ новѣйшихъ представителей руссофильскаго направленія,—мы увидимъ, что коренными началами русской самобытности признаются: особая чистота и напряженность въ русскомъ народѣ религіознаго чувства, единовластіе и врожденное русскому народу начало общественности, противопоставляемое западному индивидуализму.

Достаточно этого перечисленія, чтобы стало до очевидности ясно, что во всемъ этомъ нѣтъ рѣшительно ничего самобытнаго не только въ духѣ русскихъ, но и какихъ бы то ни было національныхъ началъ.

Совершенно невѣрно, чтобы русскимъ людямъ были свойственны особенная напряженность и чистота религіознаго чувства. Напротивъ того, справедливость требуетъ признать, что у весьма многихъ народовъ,—у англо-саксовъ, напримѣръ,—христіанскаго благочестія, во всякомъ случаѣ, не менѣе, чѣмъ у насъ. Притомъ же исповѣданіе

вѣры по православному обряду не есть національная особенность одного русскаго народа, уже не говоря о томъ, что самое превознесеніе своей вѣры передъ другими столько же противно христіанскому ученію,—его осудилъ божественный Учитель въ книжникахъ и фарисеяхъ-лицемѣрахъ,—сколько и духу русскаго народа, который, по природѣ своей, въ высокой степени терпимъ.

Единовластіе и неограниченная монархія не могутъ представлять собою ничего національнаго уже потому, что они существовали у всѣхъ почти народовъ земного шара, а у многихъ изъ нихъ продолжаютъ существовать и понынѣ. Съ другой стороны, парламентаризмъ, т.-е. правленіе черезъ представителей большинства народнаго собранія, не есть вовсе необходимая принадлежность западной цивилизаціи. Его не знаетъ и теперь Германія, одно изъ наиболѣе передовыхъ и въ настоящее время быстрѣе другихъ прогрессирующее государство цивилизованнаго міра. Германскій императоръ правитъ по божественному праву и на всей своей волѣ, нуждаясь въ согласіи общественнаго представительства только для изданія новыхъ законовъ и для обложенія населенія еще несуществующими налогами.

Отличіе русскаго историческаго самодержавія отъ западнаго абсолютизма подробнѣе всего выясняется въ запискѣ, поданной Константиномъ Аксаковымъ императору Александру II въ 1855 году. Понятіе это обусловливается гармоническимъ сочетаніемъ государства и земли, причемъ правительству должны принадлежать—„неограниченная власть государственная; народу — полная свобода

правственная, свобода жизни и духа. Правительству — право дѣйствія и, слѣдовательно, законы; народу — право мнѣнія и, слѣдовательно, слова“; Отсюда — „полная свобода слова устнаго, печатнаго—всегда и постоянно; и земскій соборъ—въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство захочетъ спросить мнѣнія страны“ (Дополненіе къ запискѣ К. А. 1855 года). Впослѣдствіи мѣстное земское самоуправленіе и регулярное земское совѣщательное представительство по дѣламъ законодательнымъ вошли въ объемъ правъ земли, уравнивающихъ неограниченныя государственныя полномочія правительства.

Предоставляемая народу, отрекшемуся отъ власти, свобода жизни, духа, совѣсти и слова,—какъ органическая принадлежность русскаго самодержавія,—существуетъ у насъ покуда только въ этой теоріи исключительной русской самобытности. По правдѣ сказать, трудно и ожидать отъ какого-либо правительства, чтобы оно упразднило цензуру, даровало свободу собраній и привлекло земское представительство къ законодательной дѣятельности,—не для удовлетворенія назрѣвшихъ современныхъ потребностей и въ развитіе существующихъ учрежденій,—а въ видахъ, такъ сказать, антикварныхъ, потому, что „Владиміръ Мономахъ-князь и Михаилъ Романовъ-царь одинаково уважали земское соборное начало, и ихъ власть и достоинство, такъ же, какъ польза народная, отъ того не страдали“¹⁾.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ русскихъ ученыхъ

¹⁾ Статья А. В. Васильева въ „Благовѣстѣ“ 1890 г.: „Задачи и стремленія славянофильства“.

публицистовъ, А. Д. Градовскій, предрекалъ, что пока славянофилы будутъ заниматься ихъ „политической астрологіей, гг. Катковы преспокойно вытаскать у нихъ „свободу жизни, духа и слова“, какъ вытаскиваютъ носовой платокъ у зазѣвавшагося звѣздочета“. Совершенно понятно всякому непредубѣжденному человѣку, что для достиженія тѣхъ благъ, о которыхъ мечтаютъ русскіе самобытчики, требуется не историческая реставрація, а юридическія гарантіи прочнаго и правомѣрнаго государственнаго и соціальнаго строя.

Третій элементъ русской самобытности — это начало общественное, противоположаемое западному индивидуализму. Проявляется онъ въ сельской общинѣ, въ артеляхъ. Эта національная особенность утратила всякую подъ собой почву, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что общинные порядки не составляютъ особенности русскаго народа, а свойственны всему человѣчеству въ опредѣленной стадіи развитія. Намъ извѣстно, гдѣ, когда, по какимъ причинамъ и при какихъ условіяхъ они уступали другимъ общественнымъ и аграрнымъ отношеніямъ.

Извѣстныя земельныя угодья сохраняютъ понынѣ, и внѣ Россіи, коммунальный характеръ. Въ Швейцаріи не только существуютъ общественныя земли, но вліяніе прежняго сельскаго общиннаго строя весьма сильно отражается въ гражданскомъ правѣ нѣкоторыхъ кантоновъ и въ ихъ современной политической конституціи. Кантоны Ури, Гларисъ, два Аппенцельскихъ и оба Унтервальденскихъ не знаютъ и теперь представительнаго правленія. Ихъ народныя собранія суть не что иное,

какъ разросшіеся численно и съ усложнившимися предметами вѣдомства — прежніе сельскіе сходы. Каждую весну, въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, собираются подъ открытымъ небомъ всѣ совершеннолѣтніе и полноправные граждане—для голосованія законовъ и выбора должностныхъ лицъ, обязанныхъ приводить ихъ въ исполненіе.

Другія страны міра не находились въ столь же благопріятныхъ условіяхъ для сохраненія въ такой неприкосновенности общинныхъ порядковъ, основанныхъ на никогда не нарушавшихся національной независимости, всеобщемъ равенствѣ и личной свободѣ отдѣльныхъ гражданъ. Архаическую форму общинной собственности и обособленности крестьянскаго общественнаго управленія мы встрѣчаемъ теперь,—какъ организацію безправія,—только у народовъ, подпавшихъ подъ власть иноплеменныхъ завоевателей, съ культурой, отличной отъ побѣжденнаго коренного населенія: у южныхъ славянъ подъ игомъ турокъ, у индусовъ подъ владычествомъ англичанъ, у туземцевъ острова Явы—подъ властью голландцевъ.

У насъ роль завоевателей сыграли въ данномъ случаѣ рабовладѣльцы относительно крѣпостныхъ крестьянъ и чиновники относительно остальной массы коренного сельскаго населенія.

Благодаря крѣпостному праву, продолжительному господству бюрократизма и податнымъ порядкамъ,—населеніе Россіи раздвоилось на привилегированное и податное. Привилегированные классы, — дворяне, чиновники и придуманное въ 1832 году сословіе почетныхъ гражданъ, а также купцы, пока уплачиваютъ торговые сборы, — жи-

вуть по общему праву, а для податного народа, состоящаго подъ опекой и въ личной зависимости отъ чиновниковъ въ силу своего сословнаго происхожденія, — сохраняются стародавніе порядки общиннаго быта, насколько они соотвѣтствуютъ удобству управленія этимъ народомъ.

Такой соціальный строй нашего государства, конечно, своеобразенъ, но въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго въ русскомъ національномъ смыслѣ.

Крестьянская община положена во главу угла также въ ученіяхъ русскихъ социалистовъ-народниковъ. Послѣднимъ принадлежитъ и весьма обстоятельное изученіе русскихъ общинныхъ порядковъ. Крайняя ихъ фракція относилась, въ противоположность романтизму славянофиловъ, къ изслѣдованію общины съ тѣмъ реализмомъ, при которомъ ея идеальное и историческое значеніе отступало на второй планъ, — для нихъ важное значеніе имѣетъ самый фактъ существованія у насъ крестьянскихъ общинныхъ порядковъ, какъ вполнѣ готовой организациі народныхъ массъ, составляющей на Западѣ только предметъ стремлений революціоннаго коммунизма.

Итакъ, политическая теорія „русской самобытности“, противопоставляемой западной культурѣ, не имѣетъ подъ собой твердой исторической почвы. Въ ученой исторической литературѣ существуетъ даже такое мнѣніе, что самая идея народности выработалась у насъ окончательно только подъ вліяніемъ тѣхъ же культурныхъ силъ, которымъ вся Европа обязана своей цивилизаціей. Націо-

нальнаго вопроса въ этомъ смыслѣ у насъ не могло даже существовать до реформъ шестидесятыхъ годовъ.

„Императоръ Александръ II, безповоротно рѣшившій вопросъ о свободѣ многомилліоннаго сельскаго населенія, тѣмъ самымъ рѣшилъ“, — говоритъ проф. Леонтовичъ, — „столь же безповоротно и другой вопросъ, о свободномъ развитіи русской національности. Создателя крестьянской „воли“ можно съ полнымъ правомъ назвать современнымъ „собирателемъ“ русской земли. Она собрана была не путемъ „изневоленія“ и „насилованія“ московскихъ собирателей, но именно путемъ освобожденія русскаго населенія изъ той тягловой неволи, въ какую завели его московскіе князья, собирая старыя земскія зарубезья въ XIV—XVI вв. подъ единую державу московскаго государства. Съ этой только сравнительно недавней поры образованія крестьянской „воли“ можно говорить объ установленіи на прочныхъ началахъ и основаніяхъ „единства русской націи“. На пути къ дальнѣйшему развитію своей соціальной и политической культуры „русская нація“ не встрѣтитъ больше былыхъ препятствій ни племенной въ розни начальной исторіи, ни въ территоріальной раздробленности общинъ земской Руси, ни въ сословной обособленности и дробленіи населенія по крѣпостнымъ службамъ и тягламъ Московскаго государства („Національный вопросъ въ древней Россіи“).

Несомнѣнно, однако, что въ старо-московской Руси были и такія учрежденія, которыми мы можемъ по справедливости гордиться, — какъ неза-

висимые приходы, безсословное самоуправленіе, земскіе соборы, безпрепятственныя ходатайства мѣстнаго населенія къ верховной власти о своихъ пользахъ и нуждахъ. Но учрежденія эти дѣйствовали въ условіяхъ своего времени и теперь могли бы служить только первообразами тѣхъ улучшеній въ нашемъ современномъ строѣ, которыя вызываются естественнымъ ростомъ Россіи, — какъ европейскаго государства христіанской культуры.

Нѣтъ болѣе шаткой и опасной почвы для полезной практической политики, какъ увлеченіе, — и если та особливая русская національная самобытность, противопологающая Россію всей западной цивилизаціи, — не химера, то она была бы для Россіи одинаково опасною, будетъ ли она для насъ источникомъ слабости или силы.

Въ первомъ случаѣ, Россія, съ ея естественными богатствами, станетъ для другихъ культурныхъ народовъ, предметомъ эксплуатаціи, — во второмъ, — они сплотятся для отпора, старая западная цивилизація будетъ защищаться.

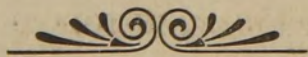
Опасеніе такого противоположенія „русской самобытности“ и западной цивилизаціи уже занимаетъ и пугаетъ умы передовыхъ представителей европейской культуры. „Россія, — писалъ Ренанъ, — опасна только въ томъ случаѣ, если остальная Европа допуститъ ее предаться ложной мысли о духовной самобытности, которою она, можетъ быть, и не обладаетъ, и дозволить ей соединить въ одной рукѣ азіатскія варварскія племена, — племена совершенно безсильныя, сами по себѣ, но способныя къ дисциплинѣ и расположенныя, если

не будутъ приняты мѣры, сгруппироваться вокругъ какого-нибудь Чингизъ-хана“...

Какъ ни мало основательны подобныя опасенія въ практическомъ отношеніи, но они несомнѣнно вліяютъ на ходъ міровой политики, создавая настроеніе.

Родную старину надо любить, но создавать старину заново такъ же невозможно, какъ поймать собственную тѣнь. Нужно дорожить національными традиціями, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенствовать условія своего государственнаго существованія, пользуясь указаніями историческаго опыта и заставляя служить на пользу своей страны тѣ силы, которыя оказали благотворное вліяніе на развитіе другихъ культурныхъ народовъ. Надо отсѣкать все вымирающее и тщательно облегчать ростъ новыхъ побѣговъ. Историческія традиціи слѣдуетъ не только уважать, но создавать, дѣлая то полезное и справедливое, чѣмъ будутъ гордиться и дорожить наши потомки, какъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Во всякомъ случаѣ, политическій идеалъ жизнеспособнаго народа — не въ туманной дали уже пройденнаго историческаго поприща, — онъ свѣтитъ ему впереди путеводною звѣздою.

Того же автора:

„Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства“. 1898 г.
Цѣна 1 руб.

„Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ“. Из-
даніе второе. 1904 г. Цѣна 1 руб.

„Реформа высшихъ государственныхъ учрежденій Россіи и
народное представительство“. 1905 г. Ц. 60 к.

Складъ изданія—книжный магазинъ т-ва «Общественная Польза»,
(Спб., Б. Подъячская, 39), въ Москвѣ—магазинъ П. Д. Путиловой,
(Арбатъ 17).